

Закончив разговор, госпожа Цзи проводила его до двора и настоятельно попросила остаться на обед, а также забрала с собой Цзи Пинъаня, сказав, что любит детей и будет рада позаботиться о нём.

Цзи Пинъань, похоже, тоже понравился госпоже Цзи, и Цзи Янь согласился.

Увидев Цзи Яня, Сяо Фаминь обрадовался и первым вскочил:

— Брат Цзи!

Цзи Янь каждый раз чувствовал себя неловко, когда Сяо Фаминь так его называл, словно это было что-то вроде «братан». Но Сяо Фаминь, похоже, не мог от этого отучиться, и Цзи Янь перестал обращать внимание.

Цзи Чанцянь и его друзья узнали о выборе места для аукциона и не возражали. Они прошли через чёрный ход и тайно осмотрели Башню Сюньфан, согласившись, что планировка действительно подходящая.

Дома их строго воспитывали, и раньше они не раз бывали в подобных заведениях, считая их слишком вычурными. Но после тщательной уборки Башня Сюньфан опустела: исчезли девушки и запах косметики, и все заметили, что внутреннее убранство довольно элегантно. Немного декора — и можно создать атмосферу, полную изысканности.

Когда Цзи Янь прибыл, Хунлянь спустилась с горничной, чтобы поприветствовать их:

— Господин Цзи, господа.

Она была одета в белое платье, с лёгкой улыбкой на лице, но с оттенком отчуждения, словно настоящая небожительница.

Цзи Чанцянь и его друзья, впервые увидев такую девушку, подумали, что это какая-то знатная особа, которую Цзи Янь пригласил, и вели себя с ней почтительно.

Е Синьжэнь, обычно немногословный, вдруг заговорил:

— Прошу прощения за дерзость, но могу ли я узнать ваше имя?

Хунлянь на мгновение задумалась, и, когда Е Синьжэнь уже собирался извиниться, она сделала небольшой поклон:

— Меня зовут Вэй Лин, приятно познакомиться.

Цзи Янь посмотрел на неё, и она слегка кивнула, подтверждая, что это её настоящее имя.

То, что мужчины снаружи так жаждали увидеть, было здесь всё это время.

Накануне вечером Цзи Янь принёс ей деревянную табличку, надеясь, что она исполнит танец на аукционе. Вэнь И, беспокоясь, сопровождал его и наблюдал за происходящим с серьёзным выражением лица, но Хунлянь делала вид, что ничего не замечает.

Она почти без колебаний согласилась на просьбу Цзи Яня, но табличку не забрала.

Она думала, что Цзи Янь хочет использовать её репутацию куртизанки как приманку, и даже приготовилась исполнить соблазнительный танец, но Цзи Янь специально пришёл, чтобы

сказать ей танцевать скромнее, и пообещал выйти на сцену вместе с ней.

Подобные выступления обычно считались недостойными внимания знати, но Цзи Янь говорил об этом без тени смущения. Он попросил Хунлянь сыграть мелодию, которая будет использоваться на аукционе, и сказал, что сам будет аккомпанировать ей.

Хунлянь долго смотрела на него, а после его ухода провела много времени в одиночестве. Затем она сняла тонкий шарф, который носила более двух лет, и надела белое платье. Оно полностью скрывало её тело, и в ней не было ни капли привычного кокетства. Она выглядела как настоящая аристократка, ничего общего с куртизанкой.

Эта перемена была внутренней, и Цзи Янь это заметил, но у каждого есть свои тайны, и, возможно, у Вэй Лин они были глубже.

Хэ Ювэнь, как владелец Башни Сюньфан, конечно, знал об этом. Но Цзи Янь никогда не интересовался чужими секретами, поэтому запомнил её имя и с тех пор называл её только «госпожой Вэй», больше не упоминая имя Хунлянь.

Вэй Лин была Вэй Лин, и Хунлянь — это совсем другая личность.

Башня Сюньфан была большой, и для её оформления требовалось много работы. Несколько человек явно не справились бы.

Первая партия приглашений уже была отправлена, и слухи об аукционе распространились, поэтому не было смысла скрывать. Хань Чжи спросил, можно ли привлечь друзей из Императорской академии.

Они редко появлялись на занятиях в последние дни, и другие студенты Императорской академии уже начали подозревать. Там всегда было много детей чиновников, и, получив приглашения утром, многие догадались, что они задумали, и завидовали.

Все шестеро столкнулись с множеством вопросов, особенно Цзи Чанцянь, который изначально выбирал участников, что вызвало немало зависти. Хань Чжи, не зная, что делать, решил спросить Цзи Яня.

Хотя мальчики в древности выросли рано, в Императорской академии было слишком много избалованных детей чиновников. Цзи Янь не был против молодёжи, но боялся, что они могут наделать ошибок, поэтому поручил это дело самым ответственным — Цзи Чанцяню и Е Синьжэню, потребовав, чтобы они не мешали учёбе других.

Уроки в Императорской академии заканчивались рано, и ребята без колебаний согласились. В тот же вечер группа студентов Императорской академии вошла в Башню Сюньфан, на которой была скрыта вывеска, что вызвало новую волну интереса в Чанъане.

На следующее утро Цзи Янь отправил вторую партию приглашений. Они отличались по стилю, и адресаты были те, кого обычно не приглашали.

Резиденция принцессы, дом министра, резиденция князя Нина, дом маркиза Юнчана, резиденция генерала... все они были людьми высокого статуса.

Наконец все поняли, что это не простое мероприятие. О том, что Башня Сюньфан была арендована для аукциона, знал весь Чанъань.

Вскоре содержание приглашений стало известно, и строка «Цветы на реке краснее огня, весенняя вода зелёна, как нефрит» была вознесена на пьедестал, став предметом обсуждения многих литераторов. Поговаривали, что это стихотворение было написано господином Цзи, что добавило ему славы.

Кроме стиха, в приглашениях объяснялся смысл аукциона и его формат, а также давались гарантии прозрачности использования средств. Под таким благородным предлогом народ стал ещё больше интересоваться тем, что знатные особы выложат на аукционе.

Игорные дома всегда быстро узнавали новости, и в тот же вечер появились ставки на то, чей лот станет самым дорогим. Это стало дополнительной рекламой аукциона и добавило давления приглашённым знатым особам.

До аукциона оставалось два дня, и последние десять приглашений попали в народ, где их продали за пять тысяч лянов каждое. Никто не знал, куда ушли эти деньги.

Цзи Янь заснул, но часть его сознания оставалась активной, и он почувствовал, что начал храпеть.

Храпеть!

Как он, такой изысканный, мог храпеть? Это было просто недопустимо.

Он знал, что слишком устал, но только что лёг и ещё даже не погрузился в глубокий сон, как уже начал храпеть. Самое ужасное, что Вэнь И лежал рядом с ним!

Вэнь И слышал, как ты храпишь!

Цзи Янь был в отчаянии, но его веки казались неподъёмными, и он не мог открыть глаза.

Всё пропало, твой образ небожителя рухнул, Цзи Янь!

Долго пытаюсь, но безрезультатно, Цзи Янь уже собирался сдаться, как вдруг почувствовал, как Вэнь И подошёл ближе и поцеловал его в губы. Цзи Янь словно получил какую-то магическую силу и резко открыл глаза, увидев Вэнь И, склонившегося над ним.

Он был одновременно смущён и обрадован, и странное чувство охватило его. Он вдруг обнял Вэнь И за шею. Всё произошло естественно и плавно.

Он не знал, почему так поступил, но, возможно, это было из-за того, что Вэнь И слышал его храп и не отвернулся.

Цзи Янь смущённо спросил:

— Я тебя разбудил?

Вэнь И, похоже, не ожидал, что Цзи Янь внезапно проснётся, и немного растерялся. Услышав вопрос, он быстро ответил:

— Нет, это было мило.

Он действительно так думал.

На самом деле, у него была реакция каждый раз, когда он спал рядом с Цзи Янем, но в

последние дни тот слишком уставал, и Вэнь И боялся, что Цзи Янь заметит, поэтому даже обнимал его только тогда, когда тот крепко спал.

Как и предполагал Цзи Янь, Вэнь И слышал, как он начал храпеть, едва лёг, и звук был довольно громким. Вэнь И даже подумал, что его можно услышать за дверью.

Автор хотел бы поблагодарить читателей:

«Доугао» за 1 бутылку питательной жидкости;

«Ян Сиси» за 1 бутылку питательной жидкости;

«Клубничный Сяо Цзиньянь!» за 10 бутылок питательной жидкости.

Спасибо за поддержку.

<http://bllate.org/book/16137/1444653>